ТЕТРАДЬ

для Сенаторова
Елизавета Евгеньевна
учени 3233 класса 11
Москва школы 1543

52061

славы", — всё то, чем она была лишена в границах Советского Союза. Невозможность печататься — такая участь постигла и её, как постигала и других поэтов Серебряного века (Цветаеву, Мандельштама). Голод, длинные очереди в контору, оковы молчания, нищета — всё это Анна Ахматова прошла, стараясь как можно реже оборачиваться назад. Параллельно с этим она была собеседником для каждого, кто к ней обращался. „И некому стихи мне прочитать", — отдушина и спасатель, которой необходим поэту, чтобы избежать состояния стагнации, в котором муть повседневности проникает в перестоялую душу, — вот кем была Ахматова для других жертв политической системы. Она могла ответить на вопрос своим взглядом („и не ответит больше на вопросы полупьяной..."), она

мыслась живым человеком, а не подобием („среди живых подобий"), воспринимала всё так, будто рассказанное случалось некогда с ней самой. И её смерть — это утрата ключа к тайнам душ, проникновение заслоняющего всё тумана; для такого живого человека не найдется отражения, её невозможно с кем-либо сравнить, она уникальна („ни зеркала земного, ни сравнений").

„Когда б вы знали, из какого сора / растут стихи, не ведая стыда", говорила Анна Ахматова в своем сборнике „Тайны ремесла". Образ поэта и представление о нем также были сформулированы: „По мне, в стихах всё быть должно некстати, / не так, как у людей". Для нее поэт был существом обособленным, особенным, у него был атрибут, указывающий на избранность. И если в Древней Греции таким атрибутом была кифара, то для Ахма-

товой или стон тростник. „Деревянные дудки сворешен \ расковаш", — пишет Давид Самойлов в своем стихотворении „Смерть поэта". Параллельно с этим образ дудочки возникает и в стихотворении Ольги Берггольц: „С тёплой дудочкой в лёгкой руке". Это не просто инструмент поэта Ахматовой, это оружие против „Армии", решения, это то, с помощью чего она доносит до других свои стихи — верно, доносит сама Муза („Музу её со смертельным оружием"). И после её смерти дудочка, ахматовский тростник, будет колыхаться под дуновением ветра перемен, донося до новых поколений строчки её стихов („И мне чудилось пенье и звон"). „Каждого из девяноста \ Вам заиграть — безделица!" — она, ~~проникновенно~~ ~~проникновенно~~ примеряя на себя маску поэта, становится вместилищем чужих душ, а её стихи, кото-

рых она сама считала „сорок", — пулей, пронзающей сердце. Стих безоружен, он сам является оружием поэта, которое может заронить в чуткую душу такое семя, что по истечении некоторого времени прорастет. Такими семенами стал образ Царского Села, где поэт провела своё детство, познакомилась с Н. Гумилёвым. Ахматова писала не только о Царском Селе, но и о Пушкине, которого ревновала к мраморным девам. „Сентябрь царскосельского сада — так Самойлов называет её („она за своё вдохновенье ... десять раз заплатила сполна"). ~~Царскосельство~~ Это место было для Ахматовой сакральным, это светлое, прозрачное детство, которое никогда не покидало её душу. Она чувствовала в нём себя наследницей Пушкина, продолжателем его ремесла, учеником, и эта нить между

двумя эпохами не прерывалась в течение ахматовской жизни. Она была птицей, „певуном", заплатившим за свой дар сполна.

„Страницу и огонь, зерно и жерновa..." — образ некоего разрушения, вернее, деформации, после которой возникает нечто новое, не виданное раньше. „Тайная ремесла" проступают на строчках И. Бродского, для которого Ахматова действительно была наставником и покровительницей. Слово явилось для Ахматовой грузом, которого она взвалила на себя: „И упало каменное слово\ На мою еще живую грудь.\ Ничего, ведь я была готова,\ Справилась с этим как-нибудь...". Поэт Бродский воспринимает каменное слова как „рваную пульс", „костный хрящ" — каждый изгиб человеческого тела передан звуком. А человеческая душа передана стихотворением, что

из этих слов состоит. „Обретший речи дар в чужомной вешнюю" — ~~он~~ Бродский, как и Самойлов, признает дар поэта, и для него остаются только поэтические строчки через которые он может передать свою любовь и уважение к умершему поэту.

„Литературные зеркала" — ~~эти~~ ничак не похожи на „зеркала земные", в них воссоздается облик поэта, его ощущения, душа, разум. Они помогают понять сущность благодаря реминисценциям. Ахматова портрет „музыки нашечаете в стихах её „потомков", становится „горбоносым антиохийским пророчицей", и „узкий, нерусский профиль" (всё же, она родилась в Одессе). И эта тонкость и внешняя хрупкость соотнесена с тонкостью и одновременно мощью её стихов, которые камнем опускаются на душ

читателя и под чьим весом сама Ахматова не может дышать. Её внешняя холодность („Холод — в весны, знаю — \ в Вашем дыхании") обусловлена эпохой, в которую поэт была помещена. Изломанная линия, как изломанное мучением тело. И тем не менее, эта линия не прерывается, не имеет начала и конца, она проходит сквозь поколения, нанизывая их на себя, как бусы на нить. „Вся Ваша жизнь — озноб", — предболезненное состояние, дрожь как от акупунктуры тела и сердца. И дрожь эта — не от страха, а от энергии, что заложена в тело „юного демона". Смерть Ахматовой. Но по инерции от её энергии сотрясаются души поэтов „стоустого" времени. Дух же её превращается во ветер, в туман, звезду, что светит путникам „в утренний сонный час, \ — кажется, четверть пятого."

И все же, наверно, никто не может так выстроить свой образ, свой портрет, как сама Анна Андреевна Ахматова. Её „Реквием" — квинтэссенция боли, скорби, муки и стыда. И ~~похожие~~ строки... они все главные, они все становятся ~~выдумкой~~ мозаичными деталями, которые надо собрать в одно целое.

Это женщина одна.

Это женщина больна.

Муж-в могиле, сын-в тюрьме.

Помолитесь обо мне.

Завершающий аккорд, в котором собрано всё, подведен итог вышесказанному — это строки самой же Ахматовой. Какое бы мужество в ней ни было заложено, какой бы силой воли она не обладала, она всё равно оставалась женщиной, матерью, женой, девочкой, утратившей всё взамен на поэтический дар.

Р

I

К1 – 5

К2 – 13

К3 – 2

20

II

К1 – 14

К2 – 2

К3 – 4

К4 – 4

К5 – 4

К6 – 3

31

Всего: 51

I. При всех достоинствах работы (внятность изложения основных суждений Хорасевича, выстроенность логики) осталось неизвестно, в каком жанре автор ее написал.

II Сильная сторона работы – соотнесенность „отражений" Ахматовой с „оригиналом" – стихами и поэзией самой Ахматовой. Однако содержательные достоинства ведут и к композиционным просчетам: автор слишком увлекается характеристикой т-ва Ахматовой в ущерб поставленной задаче.

вхор: 1133 – 1134

51

① „Я царь, я раб, я червь, я бог."
Слова, написанные пером и увековеченные в русской литературе. Принципиально честный человек, Державин был столь же честным, точным, смелым и искренним в своих суждениях поэтом, чьё творчество так и остается загадкой, ответ на которую спрятан глубоко в недрах эпох.

Статья В. Жадаевича „Державин" - приоткрытая дверь в 18 век, за которой сокрыт клад недооцененной поэзии эпохи классицизма. Она представляет новый взгляд на жизнь человека, от которого зависит всё государство. Одновременно с этим Державин стоит у истоков русского поэтического слова и является наставником для всех последующих поэтов, которые ведут с ним диалог сквозь канву веков, находя отражение собственных жиз-

Р

52061

ней и эпох в его стихах. Сам Ходасевич отдает дань своему учителю в стихотворении „Памяти кота Мурра". И эта связь времен и поэтов с Державиным и является причиной, по которой ~~стихотворения~~ его творения должны быть пересмотрены. Статьи Ходасевича может в этом помочь.

Труд Владислава Ходасевича — ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ кристалл, в котором отражена многогранность поэзии. Он полезен для прочтения, т.к. его содержание дает четкое представление об эпохе, в которой жил поэт. Мнение В. Ходасевича отражено в ~~[illegible]~~ напечатанных строках, для него очевидно, что произведения Державина зачастую прочитаны по принуждению, а не по собственному стремлению открыть для себя что-то новое. Именно поэтому забывается тот

фоинт, что поэзия поэта эпохи классицизма имела большое влияние на тех, кто считал себя его учеником. Может показаться, что раз статья написана о поэте 18 века, то и язык в ней содержит такую же архаичную лексику, из-за которой сложно уловить смысл. Но это вовсе не так, лаконичность и краткость написания текста помогают овладеть стилистикой письма в таком жанре. Жоффвин, кроме отражения личного отношения к поэту, проводит целостный анализ его творчества, рассматривая его со всех сторон. И в итоге получается, что Державинские оды были произнесены не только французской типографией (оды на восшествие), но и любовным, нежным отношением по всему, что окружало творца. Это наблюдение помогает кардинально перестро-

ить впечатление о поэте после первого прочтения его стихов.

И все-таки самое главное — это мысль, высказанная Жуковским: Державин, служивший при императорском дворе, знал весь процесс существования государства изнутри. И в своем творчестве он не просто отражал реалии эпохи. Своим творчеством он эту эпоху строил. И здесь уже возникает общая мысль о том, что поэт — это не просто человек, пропускающий мир сквозь собственную призму восприятия. Это человек, обращающий мир в свои поэзию, задающий грани им и ~~[illegible]~~ познающий все его тайны. Поэт — это бог, каким и был Державин.

② „И в комнате опального поэта
Дежурит страх и Муза в свой черед."
(А. Ахматова)

Анна Андреевна Ахматова — три заглавные буквы „А", будто протяжный, звонкий, монотонный и ~~[illegible]~~ одновременно вибрирующий крик доносится со страниц ее стихов, под которыми стоит инициалы. Она говорила: „Надо помнить до конца убить..." — но, память о ней находит свое отражение в стихах тех, для кого она стала не только наставником, но и близким другом, музой, оберегающей от духовной смерти, опорой, которой будет держаться на гвоздях до последнего. Признания в любви („Я полюбила Вас, Анна Ахматова"), всеобщее уважение и восхищение, выраженное в местоимении „Вы", воспевание — все это не могло вылечить ее душу, изрезанную на клочья советским режимом. Она всегда была одна, она утратила свою семью, но она никогда не была изгоем в обществе поэтов („Все без нее не так"). И то существо,

Ахматова? одна?

что всегда было рядом, явилось Музою, проливающей свет на предстоящую дорогу („гостья лилиан — Муза").

Самое яркое впечатление современников от неё, „ломанной чёрной линии" — то, как она держалась в обществе и как себя позиционировала. Секретарь Чумичёва в обществе акмеистов, она с самого начала назвала себя не поэтессой, а поэтом („Было дивное дело поэта", „Гражданка Анна Андреевна Ахматова", / Поэт Анна Ахматова). Уже в этом слове, привязанном к „анти-охранному профилю", чувствовалось какое-то мужество, сила, накал. В ней был стержень, не позволяющий опускать руки и сдаваться, а заставляющий идти до конца, испытывая жуткую боль в сердце и разделяя чужую боль. „Мы берегли её от удачи, / от успеха богатства и